

ПЕРЕЖИТЬ ЗИМУ И ПРОГНАТЬ ТЬМУ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ИЮЛЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

КРИСТИАН КРАХТ, «ЕВРОТРЭШ» (ADMARGINEM)

«Евротрэш» — синквел вышедшего в 1995 году (и в 2001-м на русском) романа «Faserland» швейцарско-немецкого писателя, автофиншен, который одновременно и обнажает прием, и выворачивает его наизнанку. Если в романе «Faserland» герой путешествовал в Цюрих, был молод, горяч и не обременен ни лишними условностями, ни избыточной моралью, то теперь он едет из Цюриха, и не один, а со своей престарелой матерью, недавно отметившей в психиатрической клинике свое восьмидесятилетие, по местам их семейной истории. Параллельно эта самая семейная история и рассказывается, и перед читателем возникает портрет семьи на фоне эпохи. Крахт умеет быть беспощадным — к нации, семье, себе самому. И именно потому, что к себе самому тоже, этот моральный приговор имеет право на существование. Во время проблемна сознания в клинике Винтерур мать вдруг рассказывает герою, как в детстве ее насиловал торговец велосипедами. Молчание, тяготившее ее все эти годы, вдруг прорывается исповедью. В ответ на эту искренность сам Кристиан признается, что с ним самим в те же одиннадцать происходило то же самое в канадском интернате, и мать признается, что догадывалась, но боялась заговорить об этом. Его отец, выбившийся из самых социальных низов (дед писателя был тансистом), стал исполнительным директором издательства «Ансель Шпрингер» и всю жизнь скупал недвижимость, доказывая себе, что уже никогда не вернется туда, откуда пришел. Когда он умер, прощание проходило в шинарном «Four Seasons», а потом его вдова бросила прах мужа в целлофановом пакете в Эльбу. «Евротрэш» — роман о гибели одного семейства, с одной стороны, и о крушении целой цивилизации — с другой.

Любопытно, что повесть (и у Крахта это скорее повесть, нежели роман) с таким же названием есть еще у одного европейского писате-

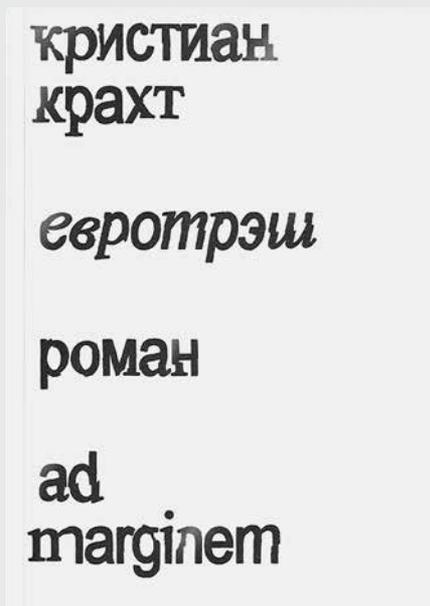
ля-бунтаря — Ирвина Уэлша. И там, и здесь герои (пусть и очень разного возраста) отчаянно ищут свое место в мире и жизни и, прямо скажем, не особенно в этом преуспевают.

«Я всегда жил в мечтах, в призраках языка. Никогда я не мог понять, почему, уехав в одиннадцать лет из Швейцарии в канадский интернат, я с тех пор вынужден был без конца мыкаться по свету, волоча за собой свое имущество в пакетах и чемоданах или оставляя его на хранение то там, то здесь. Компакт-диски, которые не слушаешь, потому что плееров под них уже нет, пластинки, которые не поставишь, потому что проигрывателей уже нет. Книги, изъеденные термитами или заплесневевшие от сырости, вышедшая из моды, пахнущая затхлостью одежда.

Что гнало меня — добровольно, в силу какой-то болезненной потребности — в Бангкок, Флоренцию, Буэнос-Айрес, в Калифорнию, на Шри-Ланку, в Кению, Индию и Киото, почему я застревал на годы то там, то здесь, что заставляло меня снимать и покупать там квартиры и дома, почему я вырастил ребенка, помнившего, что когда-то понимал суахили, понимал итальянский, понимал хинди, понимал французский, понимал швейцарский немецкий, понимал испанский — и не просто испанский, а кастильское наречие Аргентины, мягкий, изнеженный испанский со множеством шипящих. Почему? У меня не было ответа на этот вопрос».

ШЕХАН НАРУНАТИЛАНА, «СЕМЬ ЛУН МААЛИ АЛМЕЙДЫ» («СТРОНИ»)

Роман шри-ланкийского писателя, лауреат Бунеровской премии — 2022. Действие романа разворачивается на Шри-Ланке 1980-х годов. Военный фотограф Маали Алмейда, проснувшись, обнаруживает себя не то в чистилище, не то в загробном визовом центре, где у него, как у всех новоприбывших, сперва проверяют уши, а потом дают семь лун, то есть семь суток, на то, чтобы герой нашел своего убийцу. А заодно передал фотографии из разбитого ныне фотоаппарата, которые доказывают многочисленные преступления во время гражданской войны и тем самым могут помочь положить ей конец. Военные преступления совершают все стороны: государство и коммунисты, тамилы и сингалы. Расчлененный труп Маали лежит на дне озера, но его призрак в течение семи дней может перемещаться между мирами, чтобы выполнить свою миссию: достать и обнародовать хранящиеся под кроватью фотографии, разоблачающие истинную жестокость происходящего на Шри-Ланке. После этого герой сможет покинуть мир и Междумирье — и уйти в Свет. Нарунатилана создает ироничный, легко читающийся текст на сложную тему, перед нами магический реализм, где духи и демоны такие же полноправные персонажи, как люди. В каком-то смысле перед нами ланкийский Сальников, или — скорее — даже Владимир Медведев, поскольку гораздо более жесткий. пытки, военные преступления, изуродованные трупы, приготовленные к массовой кремации, — все это присутствует в романе и вызывает поначалу ужас, а потом некоторое отстранение — включаются защитные реакции сознания. Нарунатилана рисует страну, воспринимаемую сегодня исключительно как туристический рай, показывая черные страницы ее истории, которых сегодня не видно, но забыть которые невозможно — слишком мало времени прошло. Линия поиска убийцы здесь работает как главная метафора романа, центральный вопрос которого: «Нто виноват?» И ответ на него напрашивается сам собой: невиновных

нет, виноваты все, правые и левые, живые и мертвые. Зло рождает зло и никогда не прекратится само, пона его не прекратить. Тьму прогоняют светом, а не другой тьмой.

«На тебе куртка-сафари, линялые джинсы, ты не помнишь, как здесь очутился. Одна нога босая, на шее три цепи и фотоаппарат. Твой верный Nikon 3 ST, но объектив разбит, корпус треснул. Ты смотришь в видискатель, но замечаешь лишь грязь. Пора просыпаться, малыш Маали. Ты щиплешь себя; больно, но боль не острая, а тупая, словно от оскорбления.

Ты знаешь, что это такое – не верить своим глазам. Трип на концерте Smoking Rock Circus в 1973-м, ты тогда три часа обнимал аралию в парке Вихарамахадеви. Девяносточасовой марафон в покер: ты выиграл семнадцать лакхов и пятнадцать из них проиграл. Тот случай, когда в 1984-м в Муллайтиву ты впервые попал под обстрел и отсиживался в бункере, битком набитом испуганными родителями и визжащими детьми. И как в девятнадцать лет ты очнулся в больнице, не помня ни лица мамы, ни как сильно ты ее ненавидишь.

Ты в очереди, кричишь на женщину в белом сари, она сидит за стойкой из стеклопластика. Кто из нас не срывался на женщин за стойками? Уж ты-то орал. Большинство шриланкийцев возмущаются молча, тебе же нравится громогласно выразить недовольство».

ТАНЯ НЛИМОВА, «ПИСЬМА Н ОТЦУ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

На границах между жанрами и темами рождаются самые интересные эксперименты. «Письма н отцу» Тани Нлимовой — это, как следует из названия, эпистолярный роман. Но не только. Это и автофикшен, и эссеистический нон-фикшен в то же время. Когда героине этой книги, одноименной автору, Тане было двенадцать, ее отец погиб в теракте

в Ростовской области. На девочку обрушилось сокрушительное осознание не просто человеческой смертности, но, вольно цитируя Булганова, его внезапной смертности. Событие это отложило неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь героини, она постоянно обращается к нему на психологических сессиях, а еще использует эту оптику при взгляде на мир и на предмет своих профессиональных исследований — литературу русской эмиграции. Проблема отцов и детей, типичная не только для русской, но и для мировой литературы, здесь преломляется особым образом — это не конфликт поколений, но мысленный диалог с человеком, которого нет рядом физически, но который продолжает незримо быть рядом. Это любовь, которая никогда не перестает, несмотря на метафорическую зиму в сердце, несмотря на жестокость и несправедливость жизни — и смерти. Таня Климова рассматривает взаимоотношения с отцами не героев литературных произведений, но самих писателей, поэтов, других исторических личностей: Марины Цветаевой, Бориса Рыжего, Светланы Аллилуевой, Жан-Поля Сартра, Петера Эстерхази.

Говоря о том, что перед нами отчасти эпистолярный роман, необходимо отметить одну важнейшую деталь: он написан от третьего лица. Тем самым автор, рассказывая очень личную историю, создает псевдодистанцию между собой и героиней, отстраняется и остраняется одновременно. Семь частей из восьми — от третьего лица, чтобы в последней, восьмой, резко отставить условности, и обратиться к отцу лично, и сказать ему прямо все, что очень хотелось, но не было возможности. А возможность — вот она, всегда с нами, потому что человек жив, пока его помнят и пока с ним говорят. И это значит, что зиму мы переживем.

«У меня нет ни одной фотографии, где я бы стояла рядом с отцом. Есть я, отец и мой брат; я, отец и его студенты; я, отец и его сын от первого брака; я, отец и его приятель; я, отец и незнакомые мне люди — мужчины

и женщины. Папа редко фотографировался, чаще всего он забирал нас с братом в путешествие по нашему же городу, исследовал вместе с нами родное пространство, запечатлевал нас в тех местах, которые я потом – по тем детским фотографиям – разыскивала, чтобы ощутить их наяву и что-нибудь вспомнить (безуспешно). Папа снимал нас на пленку и печатал фотографии в нескольких экземплярах, чтобы отправить их какому-то мистическому дяде Вите, его брату, которого я никогда в жизни не видела, но читала черновики отцовских писем к нему – папа рассказывал о моих школьных успехах, делился моими – тайными – буднями. Этот незнакомый мне человек знал меня такой, какой я себя не помнила. Почему, папа, ты не познакомил меня с дядей Витей? Почему создал очередную загадку, лакуну, которую я сейчас – заняться мне больше нечем – вынуждена заполнять фантастическими предположениями?

Я не знаю, жив ли этот дядя Витя, но представляю, как кто-то из его детей или внуков находит фотографии кудрявой девочки с разноцветным зонтом и улыбочивого мальчика на фоне реки, как спрашивает: “Дедушка, кто это, мама?” – почему дедушка хранит эти фотографии, “я понятия не имею, сынок”, ему их присылал, кажется, кто-то, когда-то, давно, просит не выбрасывать».

ДАМЬЕН РОЖЕ, «ПОЧЕТНЫЕ АРИЙНИ» («БЕЛЬ ЛЕТР»)

Статус почетного арийца в нацистской Германии получали лица неарийского происхождения, но имеющие заслуги перед государством или партией. На людей с этим статусом не распространялись расовые законы, в каждом конкретном случае придумывалась официальная легенда, оправдывающая «неправильное» происхождение. «Почетные арийни» — дебютный роман Дамьена Роже — французского госслужащего и историка. Он пишет о трех женщинах, связанных родственными узами, — Марии-Луизе, Люси и Сюзанне Штерн, еврейках, выросших в богатой семье в Париже, их готовили к высшему свету и блестящему замужеству, но с приходом к власти в Германии НСДАП, началом Второй мировой войны и оккупацией Франции Германией их мир, такой привычный и такой, казалось, надежный, рухнул. Отныне их положение двойственно и шатко: из хозяек светских салонов они де-юре становятся людьми второго сорта. От религии своей семьи им пришлось отказаться еще до этих событий, после замужества (смешанные браки католиками допускались, но, как правило, после замужества еврейки рано или поздно становились выкрестами), а теперь единственным способом выжить и сохранить хотя бы подобие довоенной жизни можно было, только полностью отказавшись от своей идентичности, не только приняв чужую веру, но и растворившись в новом обществе. Маршал Петен в близком семейном окружении становится последней надеждой на то, чтобы избежать желтой нашивки на одежде. Выбор между коллаборационизмом и сопротивлением по сути оборачивается выбором между жизнью и смертью — не только для самих сестер, но и для всех их родных и близких. Огромная беда пришла в их дом и все другие дома, и времени на принятие решения совсем нет.

Роже использует прием двойной оптики: история сестер Штерн рассказана Люсьеном Баранже, сыном портнихи и работника скобяной лавки, который проводил школьные каникулы в Париже у тетки Симоны, работавшей консьержкой в приличном доме. Выполняя поручение тети, мальчик однажды оказывается в квартире старой марнизи, встреча

с которой отложится в его памяти надолго благодаря одному совершенному им проступку. Уже взрослым он приедет в этот район, на улицу Нонстантин, впервые услышит словосочетание «почетная арийна», и это положит начало его большой архивной работе.

«В любом случае Мария-Луиза уже приняла решение. В его правильности ее окончательно убедило необычное поведение соседей тем утром: они приходили, уходили и наконец, наспех собрав чемоданы, разъехались на своих машинах. Наблюдая за ними из окна, Мария-Луиза думала о том, что ей и ее семье тоже давно пора было уехать. В тот же день после обеда Луи отправился в банк, чтобы забрать из сейфа хранившиеся там драгоценности. Однако он опоздал: двери отделения на улице Прованс были заперты. Персонал уже покинул город. Охранники, которые еще оставались, не желали ничего предпринимать. Хранилище было закрыто до дальнейших распоряжений. Мария-Луиза пыталась связаться с мыслью, что немцы могут все разбомбить, разграбить, что все может превратиться в дым – диадема с аквамаринами и бриллиантами из ее приданого, украшения, которые предназначались ее дочерям Иоланде и Магде, а также старинные кольца, броши и сотуары, унаследованные ею от матери».

